

"ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ", 1959 г., том 2.

Суждения Собора 1667 г. об отношении церкви и государства.

Собор не мог обойти молчанием и тот принципиальный вопрос, который был выдвинут патр. Никоном в оправдание своего поведения: - вопрос о размежевании компетенций царя и патриарха. И в этом вопросе, как и во всей судьбе патриаршества Никона, идеи и дела патр. Никона всей русской иерархией принимались и защищались. Осуждалась только личность его и тактика его поведения. И даже больше того: русские архиереи принимали близко к сердцу самые тенденции патр. Никона, тенденции теократические и лишь не имели смелости додумывать и высказывать их до конца. Да и вместе с Никоном были обессилены своим богословским невежеством, чтобы разобраться, что было у Никона взято из подлинно восточного предания и что влилось по недоразумению от латинской отравы. Так вышло естественно, что по данному конфликтному вопросу в роли прокуроров Никона выступили царские чиновники, а в роли адвокатов русские архиереи.

Докладчиком со стороны обвинения был подьяк Федор Трофимов. В своей записке он писал: "Римский убо папа, егда умыслил царскую власть себе похитити, преж сего митру на себя возложи и панагию другую наложи. И виде умысл не обличен, и в том пребыть не малое время. И посем умысли с советники своими и кесаря Генриха подаянием сокромента уморил. И тако все царское обдержание на себя восхити. В сие убо Никон, яко волк во овчюю кожу облечен, митру на главе нося^{*}) и панагию другую на себя налагая и советником своим повелевая також. Се убо не меньшее похищение царского чина и власти. А еже обема рукама благословляти, то являет всеобдержание людское (т. е. светскую самодержавную власть). Он же Никон, дмяся своею гордостью, поставил Крестовую церковь выше Соборные церкви. Тут же сделал себе светлицы и чердаки. И то явное его на царскую державу возгоржение. Еще к тому себе сделал колесницы поваплены и позлащены. А того у прежних святых пастырей не бывало. Святой Кирилл глаголет: еще кто де паче всех на земли возносится, блюди сего, сей бо есть дух антихриста."

Ф. Трофимов сообщает нам, что у патр. Никона в этом "возгоржении на царскую державу" были и подражатели среди епархиальных владык: "патр. Никон и власти (этот термин надо понимать тут в приложении только к епископским властителям") пишутся и называются великими государями и "свободными" архиереями. Мы де суду царскому не подлежим, судит де нас отец патриарх." Ясно, что не один Никон был принципиальным врагом Уложения 1649 г., а и другие архиереи, кто насколько мог, игнорировали светское административное право в назначении клириков на места. Трофимов упрекает их, что они "во своих паствах поставляют архимандритов, и игуменов, и протопопов самовольством, кто им угоден, без указу великаго государя. Потому они называются "свободными." Что они царскому суду не подлежат;

ито есть свобода жь." Одержимый противоположным пафосом государственного верховенства, подъяк Трофимов теряет самообладание. Желая очернить эту архиерейскую независимость, он делает неудачное максималистическое сравнение. Архиерейский суд над архиереем же он уподобляет евангельскому образу царства сатаны, "разделившагося на ся"; "а что их судити патриарху, подобно сему, еже глаголет Господь: аще сатана сатану изгонит, на ся разделился есть. Якоже Бог Един судит всем, тако и всеобдержай царь. И аще Бог изволит и великий государь тое их гордость сломит и под свою высокую руку и под суд подклонит, то все благочестие исправится. Они бо ради "свободного" жития законы превращают и уставы преданные им прелагают и от веры отступают, а православие с еретичеством соединяют" (!). До таких Геркулесовых столбов договаривается секретарь партии, создавшей Уложение 1649 г. В докладе Трофимова прямо поименованы наиболее откровенные и владевшие мыслью и словом наличные архиереи: Корнилий архиепископ Тобольский, Лаврентий митрополит Казанский, Илларион архиепископ Рязанский, Симеон Сибирский. Известен такими же взглядами "свободного архиерея" еще до Никона, при царе Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете, Киприан митрополит Новгородский. Он называл себя "государем-митрополитом." Воевал с царскими чиновниками в делах своего епархиального и хозяйственного управления. Не исполнял некоторых и царских и даже патриарших указов.

Победив Никона авторитетом восточных патриархов, царь Алексей последовательно решил смирить этот автономный дух именем тех же авторитетов. От царя заблаговременно написано было вопрошание к патриархам о взаимоотношениях властей царской и патриаршей, с просьбой иметь их точно сформулированный ответ. Над вопросом и ответом немало, вероятно, поработала и царская, и греческая сторона с ее переводчиками и консультантами. Поэтому пространно мотивированные ответы патриархов на этот большой принципиальный вопрос сверх ожидания являются глубоко продуманными и довольно удачно сформулированными. Но самое знаменательное в них то, что патриархи тут являются явно ведомыми по пути новой государственной идеологии, которой выражены были, без ясного сознания ее идеологических корней, творцы Уложения 1649 г. Этому есть и документальные подтверждения в истории русского государственного права, как мы увидим позднее. Восточная теократическая каноника могла без особого труда сочетаться с этой в сущности лаической идеологией в ее полускрытой незаостренной форме. Ответ патриархов звучит так: "Яко же Бог есть на небеси повсеместенне, то на земли суть по Бозе тии, иже держашии царской власти в делах государственных." И с подчеркиванием не исключается из этой области кооперация патриаршая, явно в укоризну претензиям Никона: "Царя убо быти совершенна Господа и единого быти законодавца всех дел гражданских. Патриарха же быти послушлива царю, яко поставленному на высочайшем достоинстве и отмстителю Божию, ниже коим либо обычаем господствовати еже хотети или деяти в вещех гражданских, еже есть противно и пакостно царскому непщеванию... (подразумевается "такого патриарха"), творяща противне церковным уставам или противно царю нерассудне и безумне деюща с престола своего весьма быти извержительно и

удалительна"*)". "Никто не имеет толику свободу да возможет противитися царскому повелению, закон бо есть. Того ради, аще кто и духовный предстатель, аще и патриархом его наречеша, или иной степени муж, сицевому повелению или епистолии, сопротивил бы ся, дастраждет казнь, яко бесправильное нечто сотворивый." Недобросовестность формулировки может быть усмотрена в том, что здесь даже абстрактно замолчаны казусы обратных царских вторжений в дела церкви. Словом, ответ был диаметрально противоположный идеям Никона: царская власть выше патриаршей.

Не по протоколам собора, а по сообщениям Паисия Лигарида, мы узнаем, что русские архиереи, в лице Павла митр. Крутицкого и Иллариона архиеп. Рязанского, решили выступить с возражениями против этих тезисов восточных, к тому же еще и окрашенных лаицизмом передовых бояр. Лигарид рассказывает, как с великой запальчивостью русские архиереи сначала не подписывались под осуждением патр. Никона из-за неприемлемой для них формулировки его ошибок в вопросе о власти священства и царства. Обвиняли в сознательном искажении смысла слов И. Златоуста. Симеон еп. Вологодский указывал: "вот слова Златоуста яснее солнца утверждают, что степень священства выше степени царской." Возражал по своему и Стефан митр. Суздальский.

По свидетельству Лигарида, более охотно партии примирялись на свидетельстве письма папы Григория II к императору Льву Исавру при начале иконоборческого спора. "Ведаешь царь, писал папа императору, что догматы святой церкви не царю принадлежат, но архиереям, которые безопасно имеют догматствовать. Посему архиереям вверены церкви, и они не входят в дела правления народного (Пойми и заметь это!), воздерживаясь от народных дел, т. е. от государственных. А цари подобно не должны входить в дела церковные, но заниматься вверенными им (т. е. гражданскими). Совещание же (греческ. "симфония") христоролюбивых царей и благочестивых архиереев составляют единую силу, когда дела управляются с миром, любовью." Протокол записывает: "все воскликнули: вот прекрасное разграничение, вот наилучшее толкование, вот мудрое объяснение, отделяющее для каждого свою область, как для царя, так и для архиерея!"

Волнения и смущения в архиерейской среде не улеглись. Павел Крутицкий и Илларион Рязанский глубокой ночью приходили тайком к патриархам и изливали им свою архиерейскую горечь, в надежде пробудить у восточных их архиерейскую ревность против засилья и светских идей и светских людей. Русские архиереи жаловались на то, что им приходится целовать царскую руку и терпеть давление светских властей. Надо быть предусмотрительным. При данном действительно благочестивом царе это еще сносно. Но что может случиться, если преемники могут оказаться и неблагочестивыми? Это архиерейское предчувствие в действительности скоро оправдалось в Петре Великом. Чеканно отчетливых формул не было еще ни у той, ни у другой стороны, но принципиальное чутье наступающего большого искажения идеологии традиционной теократии было на архиерейской стороне -

чуткое и верное. Восточные патриархи, может быть, теоретически и не расходились с русским епископатом, но просто их голова и сердце дремали, не понимали и корыстно не хотели вникнуть в русскую драму. Паисий Лигарид, защищая лукавство своих восточных собратий, раздражается по этому случаю такой льстивой патетической тирадой: "Недостойны русские такого царя, преданного вере христианской, благочестивейшего, имеющего жезл не железный и тяжелый, но мягкий, ореховый... Меня вселенский патриарх кир Дионисий поставил истолкователем... Спрашивайте, что из двух преимуществует, священство или царство? Отвечаю: в некотором отношении должно отдать преимущество священству, разумею дела духовные. В других должно отдать честь царству, т. е. в делах гражданских. Можно сказать: священство царствует над делами духовными; царство священноначальствует (!) над гражданскими. Поистине наш державнейший царь, государь Алексей Михайлович столь сведущ в делах церковных, что можно подумать будто целую жизнь был архиереем, посвящен во все тайны иерархического служения, от молодых ногтей воспитывался в храме, как Самуил. Почему не стыдись возвещаем, что лобызаем щедродаровитую десницу такого царя. Да! Да! Целую и лобызаю руку, обогащающую странных, пекущуюся о сиротах, ведущую слепых. Да, да! Лобызаю десницу, помазанную благовонным миром новой благодати, знаменанную печатью обручения Св. Духа, пишущую спасительные заповеди. Да, да! Лобызаю бранноносную руку, вооруженную, по слову апостола Павла, оружием правды и подвигающуюся за благочестие, украшенную благостию, позлащенную добродетелями... А ты, Богом почтенный царю Алексие, воистину человек Божий, Ты отнимаешь, а не простираешь десницу свою нам архиереям. Мы сами против воли твоей привлекаем ее к себе, яко прещедрую помазанную десницу царя христианства. (Явный ответ на жалобы русских архиереев на целование царской руки). Из того, что двое или трое державствующих не чествуют, неуважительно обращаются с делами архиерейства, не следует считать и всех бесчинными и незаконными. Не к бесчестию, но к благой похвале полагается орел под ноги хиротонисуемого архиерея. По праву становится он на него, когда возглашает символ, в котором мы крестились. Этим он показывает, что будет тверд в вере самодержца; что будет другом греков (!!); что будет во всем покорен и послушен царю. Вы боитесь будущего, чтобы т. е. какой-нибудь новый государь, сделавшись самовластным и соединяя самоуправство с самозаконием, не поработил бы церковь российскую. Нет, нет! У доброго царя будет еще добрее сын его, наследник. Он будет попечителем о вас. Наречется новым Константином, будет царь и вместе архиерей, как и преданный вере Христовой Великий Константин восхваляется у нас на великой вечерне - иереем и царем. Да и у римлян, как и у египтян, царь соединял в себе власть священства и царства, как воспевают латинский Гомер - Вергилий."

Эта льстиво-фимиамная риторика, к счастью, не исказила сухой заключительной формулы прений собора по этому вопросу в заседании 24 января 1667 г. Формула была такова: "Итак да будет положен конец слову. Да будет признано заключение, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх - церковных, дабы таким образом сохранилась целой и

непоколебимой во век стройность церковного учреждения." На этом все сошлись. Тогда введены были в залу заседания два митрополита Павел и Илларион, еще не давшие подписи под осуждением Никона. Не под осуждением собственно, а под его мотивами. Вошедшим патриархи доложили о состоявшемся общем соглашении на вышеизложенной формуле. Паисий Александрийский пояснил: "Те никонствуют и папствуют, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство." Как раз такое заострение, направленное против этих русских архиереев, помешало им пойти на соглашение с собором. Павел и Илларион, не желая ухудшать положения, сговорились замкнуть уста и покрыться полным молчанием. Они знали, на что шли. Патриархи предложили наложить на упорствующих епитимию в виде запрещения им священнослужения. Запрещенные вышли в слезах, и на место Павла Крутицкого (местоблюстителя патриарха) тотчас же был избран новый местоблюститель, греческий митрополит Феодосий.

Эта епитимия переживалась и всем русским архиерейством, как их жертва своим достоинством ради мира с царем и государством. Но эта покорность русских архиереев была той ценой, за которую царская сторона заплатила вышеприведенной объективно-правильной формулой о независимости источников высшей власти церковной и государственной. Льстивые перегибы аргументации Лигарида и легкомысленное угодничество патриархов-гостей не исказили заключительной нормы. Самостоятельный источник церковной власти, независимой от государства в своей области, был признан. Русские архиереи таким образом добились от собора и царя того, к чему стремился Никон. И правящий государством боярский класс и русский епископат переживали достигнутую согласительную формулу не как абстракцию и спор о словах, а понимали ее, как конкретную форму. Неловко было вслух признаться, что это была победа Никона в его борьбе с монастырским Приказом. Этот Приказ, как воплощение новой государственной идеологии, залегшей в основание Уложения 1649 г., был главной движущей силой для Никона во всем его роковом конфликте с царем. И теперь иерархия, пожертвовав личностью Никона, и государство, избавившее себя от страхов пред той же личностью, примирились на том, что было программой Никона. Государство сделало церкви большую демонстративную уступку. Оно закрыло Монастырский Приказ. А компетенция Приказа, состоявшая в подсудности духовенства по гражданским делам светскому государственному суду, была уничтожена. Ради мира с церковью, чтобы избежать в будущем появления нового Никона, государство с своей точки зрения непоследовательно уступило церкви в ее уже исторически устаревшем праве быть в экономике и администрации неким двойником государственного организма, своеобразным удельным государством, пережитком системы, уже упраздненной объединением Московского государства. Смысла и сути этого нормального и неизбежного процесса ликвидации пережитков государственных функций во внешнем строе церкви долго не могла понять сама русская иерархия. И процесс этого освобождения церкви от бремени чисто государственных форм экономики и администрации пережил даже и радикальную Петровскую реформу и только

революционно хирургически закончился ко благу церкви, секуляризацией церковных имуществ в 1764 г. при Екатерине II.

Таким образом, участие восточных патриархов в соборном суде над Никоном было в действительности актом канонически формальным, не повлиявшим на существо исторического, чисто русского процесса взаимоотношений церкви и государства. Процесс этот развивался своим независимым путем. В данный момент церковь ценой осуждения Никона победила государство. Был составлен план постепенной передачи прежнего широкого судебного ведомства опять в руки архиереев. Рядом с этим решено было, что государство отказывается впредь назначать по своему выбору светских чиновников и в высшее и в епархиальное церковное управление. Весь состав церковного суда отныне опять должен был назначаться архиерейской властью, что естественно повлекло к преобладанию в нем лиц духовных и монашесствующих. Эта большая реформа потребовала целого десятилетия. Окончательное закрытие Монастырского Приказа совершилось только в 1676 г.

Русский епископат, отрекшийся от Никона за его слишком "тяжелую руку," горой встал на защиту его "заветов" и гордился этими своими "завоеваниями." Последующие патриархи русские - Иоаким и Адриан не переставали повторять Никоновы речи о превосходстве власти священства над властью царства.

Но ход развития русской государственности и общей культуры превращал эти отвлеченные слова в слова бессильные, пустые. Петр Великий, борясь в Духовном Регламенте с принципом независимости власти церковной, устами Феофана Прокоповича метал стрелы именно в это "завоевание" русских епископов на соборе 1667 г., когда глухо говорил: "Да не вспомнятся подобные и у нас бывшие замахы." Реальное соотношение сил дало Петру Великому возможность просто заставить архиереев подписаться под упразднением церковной власти.